

А семьдесят кубинских поэтов отметили семидесятилетие своего собрата по перу, написав для него поэму из семидесяти строк — каждый по строке.

Наша страна наградила кубинского поэта орденом Трудового Красного Знамени.

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ

## ТРИ ВОПРОСА ДЖОНА АРДЕНА

Джон Арден. Пьесы. Составитель и автор статьи Д. Шестаков. Перевод с английского под редакцией В. Харитоновой. Москва, «Искусство», 1971. 317 стр.

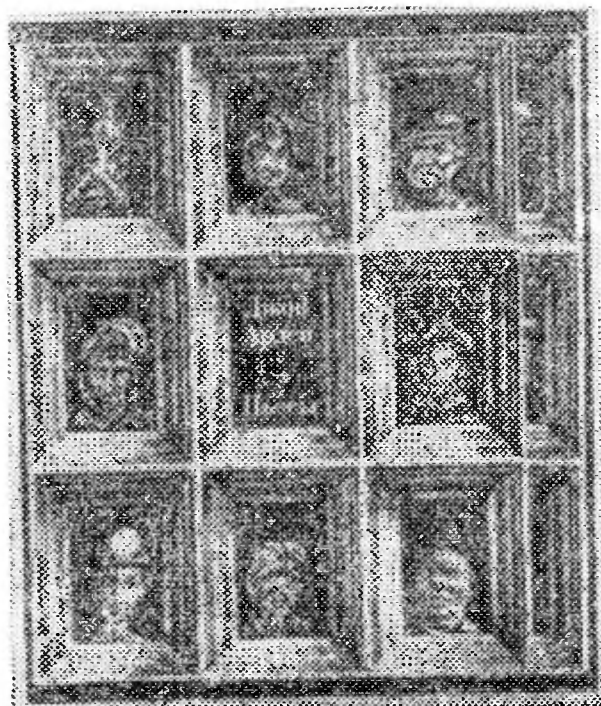
**И**оркширец Джон Арден родился в 1930-м, учился в университете, получил диплом архитектора... а к 30 годам стал одним из известнейших драматургов Англии. В драматургию он пришел одновременно с Осборном, Уэскером, Делани и многими другими «рассерженными».

Для его творчества типична связь с искусством прошлого — со средневековыми аллегориями, драмой «елизаветинцев» и, конечно, с Шекспиром.

С первых же шагов наблюдается интерес молодого драматурга к экспериментам в области драматургических форм. В пьесы включаются баллады, песни, интермедии.

Внутреннему единству пьесы «Пляска сержанта Масгрейва» (1959), написанной в брехтовских традициях, способствуют народные баллады, к которым обращаются его герои. Особенности старинной баллады использованы и в более поздней исторической пьесе «Последнее прости Армстронга» (1964).

Действие одной из самых известных пьес Ардена «Пляска сержанта Масгрейва» — этой «антиисторической притчи» — разворачивается в шахтерском городке на севере Англии. Время действия — где-то между 1860 и 1880 годами. Углекопы бастуют. И в это время в городе появляются солдаты. Городские власти довольны — есть кому подавить бунтовщиков.



Сержант Масгрейв сам испытал все зло, все ужасы войны. Но как объяснить людям, что такое война? Масгрейв борется против войны, он вербует противников войны. Поэтому он и привез в городок скелет солдата, ушедшего отсюда на фронт. И вот рядом со скелетом, одетым в военную форму, сержант танцует страшную пантомиму — о жестокости, насилии, страхе, о праве на возмездие.

Он старается помочь людям, спасти их, а ему не верят. Речами тут не поможешь, потому что они давно уже оружие разного рода демагогов. И Масгрейв вынужден прибегнуть к насилию. Круг замкнулся. Убитые, арестованные — таков итог акции сержанта. Все осталось по-прежнему в этом мире. Герой вновь оказался в одиночестве.

Пьеса написана в манере, свойственной драматургии экспрессионизма. Социально-философская по сути, по сюжету она является условно-аллегорической драмой.

В фарсе «Тихая пристань» (1960) Арден напоминает о том, что цель не всегда оправдывает средства, даже если она маскируется высокими словами о «благое всего человечества». «Прогрессу ради прогресса», краху системы прагматизма посвящена эта пьеса.

Доктор Эхинокук, глава образцового приюта для престарелых, собирается вернуть своим подопечным молодость, но не из человеколюбия, а ради научного эксперимента.

Его престарелые пациенты представляют зрелище довольно жалкое. Однако они являются живыми людьми со своими планами, надеждами и даже мечтами. Но для доктора это только материал для экспериментирования. Фраза «Дело важнее человека» в устах доктора о многом напоминает. Его «эликсир» направлен против естественного течения жизни.

Доктору уготован бесславный конец. Дождавшись приезда высокого министерского начальства, старики заставляют Эхинокука выпить его же «эликсир». Сильно омолодившегося ученого увозит в колясочке старушка, всю жизнь мечтавшая иметь ребенка.

Если в ранних произведениях «рассерженные» обращались в основном к современной действительности и показывали зрителям «неприятные» факты повседневной жизни, приучая их к зрелищу «социальных язв», то в 60-х годах внимание оказалось сосредоточенным на социально-психологических мотивах поведения героев. Для дальнейшего освещения современных проблем был избран исторический фон. Выявляется склонность английской драмы к притче, назиданию, философствованию. От реального быта, от драматургии «кухонных раковин» (как называли ее некоторые критики) — к истории. Этот прием используется как средство для перехода от гнева и смятения к серьезному и более спокойному осмыслению происходящего.

Арден считает непозволительным регла-

СРЕДИ КНИГ

ментировать личность какими-либо «порядками» лежащими вне ее свободного развития. История представляется ему нагромождением убийств, предательства и коварства, совершаемых по политической необходимости. Пьеса «Последнее прости Армстронга» построена на конкретном историческом материале. Посредником между Иаковом V Шотландским и непокорными лэрдами выводится поэт XVI века Дэвид Линдсей. Задача Линдсея состоит в том, чтобы заставить подчиниться короне одного из хозяев пограничных владений, лэрда Джона Армстронга. Покончить с набегам Армстронга и его людей на соседей англичан требуют интересы государства. Для достижения этой цели все средства хороши.

Миссия Линдсея не из легких. Мы встречаемся с лэрдом в тот момент, когда он излюбленным способом избавляется от своего недавнего друга. Ему подсыпают в виски снотворное, портят оружие и, безоружного, закалывают.

На уговоры Джон не реагирует. И Линдсей пленяет его званием королевского лейтенанта, пытается воздействовать на строптивца через свою любовницу. Напрасно. Но дипломат неутомим: он предполагает создать пограничное государство, которое играло бы роль буфера между Англией и Шотландией и во главе которого стоял бы Армстронг. Лэрд попадает в ловко расставленную ловушку. Его заманивают на королевскую охоту и там убивают. Вероломство за вероломство. Но если Армстронг убивает из мести или из корысти, то сам он становится жертвой явного политического убийства. Власть, построенная на точном расчете, обезличивающая и обезличенная, становится механизмом подавления личности. Армстронг — не более чем пешка в большой игре. Не многое изменилось с той далекой поры...

«Исторический горизонт, — пишет в своем интересном послесловии составитель сборника Д. Шестаков, — закрыт для Ардена черными тучами жестокости. Где кончается жестокость феодализма, там начинается жестокость абсолютизма. Ей на смену идет жестокость капитализма, а эту сменяет фашизм. Где кончается жестокость фашистской диктатуры, там начинается жестокость буржуазной демократии — вот горький политический урок, извлекаемый Арденом из далекой и близкой истории западного мира».

Арден напряженно ищет истоки зла, так широко распространившегося в окружающем его обществе. Где они? В самом человеке? И Арден осуждает всякого, кто живет вне сознания своих общественных обязанностей. Он пытается вызвать ненависть к войне. Но какие силы противопоставляет он осуждаемому им злу? Максимализм Масгрейва, ненавидящего войну, но являющегося ее же порождением. Или политический рационализм («Последнее прости Армстронга»), разъедаемый, однако, политиканством и интригой. «Прогрессивному максимализму» доктора Эхинокука Арден

противопоставляет некое объединение людей, на привычные условия жизни которых произвольно посягает доктор. Но это «объединение» ничемных обывателей, к тому же не менее жестоких, чем их благодетель. Зло оказывается присущим и той и другой стороне.


Сейчас многие критики пишут о кризисе английской драматургии. Однако более трезво подходя к действительности, Арден обошелся без столь острых смятений, порывов и колебаний, как Осборн, Уэскер или Делани.

Арден — автор политических пьес, пьес о человеческой судьбе. Его интересует окружающая его реальность. Он стремится понять закономерности общественной жизни. Он ставит перед читателем и зрителем много злободневных вопросов, но не на все сам может дать ответ.

Н. ШАДРИН

## НА ЗЕМЛЕ ПРЕДКОВ

Хосе Мария Аргедас. Глубокие реки. Роман. Перевод с испанского В. Спасской. Предисловие С. Мамонтова. Москва, «Художественная литература», 1972. 255 стр.

 В этом романе известный перуанский писатель Хосе Мария Аргедас уже на склоне лет возвращается к дням своей далекой юности. Мальчик Эрнесто, герой романа — это сам писатель. Это он бродит вместе с отцом-адвокатом от селения к селению, от асьенды к асьенде в поисках работы для отца. Это он, еще совсем ребенок, спасается от жестокого белого помещика, которому его поручил отец, в индейской общине, где индейские старейшины становятся для него на всю жизнь эталоном человечности. И когда он вместе с вернувшимся отцом покидает эту общину, индейки провожают его древней, как сама земля, песней:

Не забывай нас, мальчик,  
не забывай...  
Ах, мой сынок,  
возвращайся к нам,  
скорее к нам возвращайся!

Читая роман, мы попадаем в незнакомый мир провинциальной перуанской Сьерры начала века: тихие маленькие города, над которыми плывет колокольный звон; быстрая горная река под старинным мостом; индейские таверны-чичерии на окраинах, где метисы поют протяжные песни гор, слушая которые вспоминаешь вечные снега на вершинах и голые черные деревья, свешивающиеся над пропастью; затерянные в долинах деревушки, где общинники-кечуа все еще продолжают чтить память последнего инки и поклоняться своим древним божествам: Солнцу и Матери-Земле.

Многое из того, что воссоздает писатель в романе, уже ушло или уходит в прошлое,